

Эмпирические закономерности в исторической динамике: Вековые циклы

Турчин Петр Валентинович

Коннектикутский Университет и Институт Санта Фе

Существуют ли общие закономерности в истории? Понятно, что древний Китай – это не средневековая Франция; между ханьской империей и королевством Капетингов существует огромное число различий. Однако существование различий не исключает возможности общих черт. Например, Марс и Сатурн тоже отличаются друг от друга – по цвету, размеру, наличию колец, расстоянию от солнца и т.д. Но есть у них и общие черты – траектории движения обеих планет вокруг солнца описываются одной и той же закономерностью. Поэтому мы имеем право задать вопрос, есть ли общие черты характеризующие динамику, например, аграрных государств (таких как империя Хань и французское королевство)? Или каждое историческое государство уникально и неповторимо во всех своих аспектах?

Ранее я предложил несколько кандидатов на эмпирические закономерности, возможно характеризующие историческую динамику аграрных государств (Турчин 2007, английское издание было напечатано в 2003 г.). В этой статье я предлагаю остановиться на одной из них, вековые циклы, опираясь на результаты совместного исследования с Сергеем Нефедовым (Turchin, Nefedov 2008). Организация последующего текста такова: сначала я даю обзор теоретической мотивации нашего исследования, затем перехожу к центральной части – эмпирическим результатам – и завершаю статью некоторыми общими соображениями.

Теоретическая основа

Основная цель нашего исследования (Turchin and Nefedov 2008) была эмпирическая проверка структурно-демографической теории (ссылки). Теория отталкивается от идей Т. Мальтуса, но отличается от работ неомальтузианцев (В. Абель, М. Постан, Э. Ле Руа Лядюри, и др.) тем, что не ограничивается демографическими и экономическими аспектами функционирования обществ, а делает даже больший упор на социальные структуры (взаимоотношения между элитами и народом) и на динамику государства и политической стабильности.

Более двух столетий назад Т. Мальтус (Malthus 1798) обратил внимание на то, что длительный демографический рост в аграрных обществах неизбежно вводит их в кризис. Мальтус считал, что рост населения выше уровня, на котором оно может быть прокормлено при данной степени развития аграрной технологии (так называемая «емкость среды»), приводит к кризису напрямую, посредством экономических факторов: падающей реальной заработной платы и душевого потребления, вызывающих увеличение смертности и падение рождаемости. Однако, в работе Джека Голдстоуна (Goldstone 1991) было показано, что механизм кризиса более сложный. В частности, очень важную роль играет перепроизводство элиты, то есть утяжеление верхушки социальной пирамиды, в результате которого образуется значительный слой «лишних людей» – индивидов, которые претендуют

на элитный статус (по праву происхождения, образования, и т.д.), но для которых элитных мест в обществе нет. Еще один важнейший фактор – в результате демографического роста и перепроизводства элиты налоговые поступления государства сокращаются, а расходы, наоборот, растут. В результате государство испытывает банкротство, теряет контроль над аппаратом принуждения (армия, полиция), что приводит к государственному распаду и, обычно, затяжной гражданской войне.

Социополитическая нестабильность напрямую влияет на демографию (высокая смертность и эмиграция, низкая рождаемость), а также подрывает продуктивную инфраструктуру общества. Численность населения падает, элиты частично истребляют себя в гражданских войнах, а частично скатываются вниз по социальной лестнице. В какой-то момент общество находит новое равновесие, и цикл начинается сначала. В результате мы имеем «вековые циклы» численности населения и социополитической стабильности/нестабильности. Период этих циклов – два-три столетия, но нужно отметить, что это не математические циклы с точной периодичностью. Вековые циклы возникают в результате внутренних причин и могут быть нарушены внешними силами.

Логическая когерентность структурно-демографической теории была проверена путем построения ряда моделей, с помощью которых были исследованы последствия различных предположений о нелинейных обратных связях между ключевыми динамическими переменными в теории (численность и экономическое положение общего населения и элит, а также финансовое здоровье государства и его способность поддерживать внутренний мир и порядок и, наоборот, интенсивность социополитической нестабильности). Эти модели подтвердили, что при реалистических значениях модельных параметров действительно наблюдаются колебания с правильным периодом (Турчин 2007). Таким образом, встает вопрос, в какой степени предсказания структурно-демографической теории соответствуют эмпирически наблюдаемым фактам.

Эмпирические результаты

Для того, чтобы подвергнуть структурно-демографическую теорию эмпирической проверке мы (Turchin, Nefedov 2008) выбрали следующие общества: Англия и Франция в Средние века и Новое время, Римская республика и Империя, и Россия от правления Ивана III до Октябрьской революции. Эти регионы и периоды были выбраны потому, что для них оказалось возможным найти в литературе количественные данные о динамике демографических, экономических, социальных, и политических показателей (конечно, качество и количество данных варьировало между разными исследованными примерами). Таким образом, наша база данных описывает восемь вековых циклов (по два последовательных цикла в Англии, Франции, Риме и России).

Полученные результаты показали, что в зависимости от начальных и внешних условий циклы могут развиваться по-разному. Как отмечалось выше, внешние возмущения могут влиять на структурно-демографическую динамику

государств. Поэтому особенно четкие циклы наблюдаются в очень больших империях (как Китай) или островных государствах (как Англия), в которых экзогенные факторы играют менее существенную роль, чем эндогенные. В небольших государствах внутренняя динамика менее значима, чем эффект политики крупных соседей. Завоевание новых территорий также может нарушить периодичность, удлинив фазу роста. Например, Россия испытала аномально долгий цикл в период Романовской династии за счет завоевания и последующей колонизации гигантских степных территорий.

Одно из основных предсказаний структурно-демографической теории заключается в том, что динамика популяции и социополитической нестабильности должны характеризоваться циклами с одинаковым периодом, но сдвинутыми по фазе. Мы ожидаем, что пик нестабильности должен запаздывать, в среднем, на одну четверть цикла за пиком плотности населения. Как демонстрирует Рис. 1, наблюдаемая динамика более сложная, чем динамика, предсказанная моделью. И для средневекового (“плантагенетовского”) цикла, и для следующего за ним тюдоровского цикла пик нестабильности запаздывает за пиком плотности населения. Однако, если во время тюдоровского цикла пик нестабильности следует достаточно быстро после популяционного пика, в плантагенетовском цикле наблюдается аномально долгий сдвиг по фазе.

Одна из причин этой задержки – экзогенный шок “Черной Смерти”, эпидемии бубонной чумы, которая пришла в Европу в 1347 г. из Центральной Азии. Однако, во Франции пик нестабильности пришелся на начало 15 века, и в 1440-е гг. Франция вышла из своего периода нестабильности (т.н. Столетняя Война или, точнее, «Столетняя Вражда», по выражению Фернана Броделя), в то время как в Англии нестабильность достигла пика гораздо позже, во время Войн Алых и Белых Роз (1455–85). Дело в том, что в позднем средневековье Англия была гораздо ближе привязана к европейскому материка, чем в раннее новое время. Во время Столетней Войны Англия, воспользовавшись внутренними проблемами Франции, дважды завоевывала большие территории в последней. Это позволило Англии «экспортировать» избыточные элиты (обедневшие дворяне, вторые и третьи сыновья знати, и т.д.) с благотворными (хотя и временными) последствиями для внутренней стабильности. Конец гражданской войны во Франции и консолидация французских элит полностью изменили соотношение сил и закрыли эту «отдушину» для экспорта нестабильности из Англии. К 1453 г. Англия потеряла все свои французские территории (кроме Кале), а уже в 1455 г. в ней началась гражданская война.

Итак, на уровне конкретных траекторий, *феноменологии* исторических изменений, наблюдается большое разнообразие, и это не удивительно. Очевидно, что исторический процесс – результат взаимодействия многих факторов. Длительность циклов и величина задержки между ключевыми переменными могут варьировать в зависимости от сложного взаимодействия внутренних факторов, а также влияния внешних, экзогенных шоков. Поэтому, если мы хотим выделить наиболее яркие и повторяющиеся закономерности, необходимо применять более

грубые, «крупнозернистые» подходы. Например, как уже упоминалось, один из основных прогнозов структурно-демографической теории – сдвиг по фазе между популяционной динамикой и нестабильностью. Это означает, что нестабильность должна быть гораздо выше во время популяционного спада и стагнации, чем в фазе популяционного подъема. Проверим этот прогноз на примере семи полных циклов, описанных в нашей работе (Turchin, Nefedov 2008; исключая последний российский цикл, так как мы не рассматривали динамику структурно-демографических переменных после кризиса русской революции 1917 г.).

Проверка прогноза осуществляется в два этапа. Во-первых, нам нужно выделить фазы популяционного роста и фазы популяционного спада/стагнации. Хотя количественные детали популяционной динамики для многих периодов часто являются предметом острой дискуссии, *качественные* переходы между ростом и падением гораздо легче определить. Например, хорошо известно, что население Англии выросло как минимум в два раза между 1150-м и 1300-м гг. По поводу уровня населения на пике согласия нет – многие исследователи склоняются к оценке в 6 миллионов или даже выше, в то время как другие предпочитают цифру близкую к 4 миллионам. Но и те, и другие согласны, что спад населения начался в начале 14-го века, задолго до появления Черной Смерти в Западной Европе (скорее всего, во время «Великого Голода» 1315–22 гг.).

На втором этапе, нам нужно оценить интенсивность политической нестабильности в из фаз (подъема или спада). Для этого мы пользуемся списками таких событий отражающих нестабильность, как городские бунты, крестьянские восстания, революции и гражданские войны, которые были скомпилированы Питиримом Сорокиным, Чарльзом Тилли, а также энциклопедическими источниками, например, Энциклопедия Мировой Истории (Sorokin 1937, Tilly 1993, Stearns 2001). Количественные детали таких событий (например, количество жертв) не всегда известны, и поэтому мы упрощаем задачу: отмечаем только годы в каждом десятилетии во время которых такие события происходили.

Например, в Риме десятилетие между 50-м и 41-м г. до н.э. характеризовалось крайне высокой степенью нестабильности. Гражданская война началась в 49 г. и продолжалась до конца десятилетия – сначала между Цезарем и Помпеем (и последователями Помпея после его смерти), потом (после мартовских и др) между Вторым Триумвиратом и убийцами Цезаря (Брутом и Кассием) и, наконец, между Антонием и Октавианом. Таким образом, показатель нестабильности равняется девяти (9 лет из 10). Предыдущее десятилетие, с другой стороны, было довольно спокойным – единственное событие, которое его омрачило было уличные бои в Риме между последователями Клодия и Милона, так что показатель нестабильности равняется одному.

Табл. 1. Показатель нестабильности для фаз популяционного подъема и падения

Вековой цикл	Фаза подъема		Фаза падения	
	гг.	Нестабильность	гг.	Нестабильность
Плантагенеты	1151–1315	0.78	1316–1485	2.53
Тюдоры	1486–1640	0.47	1641–1730	2.44

Капетинги	1216–1315	0.80	1316–1450	3.26
Валуа	1451–1570	0.75	1571–1660	6.67
Республика	350–130 до н.э	0.41	130–30 до н.э.	4.40
Принципат	30 до н.э–165	0.61	165–285	3.83
Московский	1465-1565	0.60	1565-1615	3.80
Среднее (±С.О.)		0.6 (±0.06)		3.8 (±0.5)

Применяя этот подход ко всем семи исследованным примерам, мы получаем результаты, приведенные в таблице 1. Мы видим, что во *всех* случаях индекс нестабильности во время фазы падения значительно выше, чем тот же индекс во время фазы подъема. В среднем, разница между фазами составляет 6 раз. Другими словами, мы наблюдаем ярко-выраженную эмпирическую закономерность.

Сохранится ли эта закономерность, если мы выдем за рамки примеров приведенных в таблице 1? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к данным по имперскому Китаю. Мы можем воспользоваться данными по динамике китайского населения, скомпилированными Чжао и Сья (Zhao, Xie 1988) и по динамике нестабильности, собранными Ли (Lee 1931). Количественные данные по населению, приведенные в работе Чжао и Сья, являются предметом дискуссии среди демографических историков Китая (в частности, резкие падения численности более половины или даже двух-третьей уровня на пике, вызывают сомнение у большинства экспертов). В то же время, качественные переходы широко приняты, и поэтому мы можем применить наш «крупнозернистый» метод (см. Таблицу 2)

Табл. 2. Показатель нестабильности для фаз популяционного подъема и падения: Китай.

<i>Вековой цикл</i>	<i>Фаза подъема</i>		<i>Фаза падения</i>	
	<i>гг.</i>	<i>Нестабильность</i>	<i>гг.</i>	<i>Нестабильность</i>
Старшая Хань	200 до н.э.–10	1.5	10–40	10.8
Младшая Хань	40–180	1.6	180–220	13.4
Суй	550–610	5.1	610–630	10.5
Тан	630–750	1.1	750–770	7.6
Северная Сун	960–1120	3.7	1120–1160	10.6
Юань	1250–1350	6.7	1350–1410	13.5
Мин	1410–1620	2.8	1620–1650	13.1
Цин	1650–1850	5.0	1850–1880	10.8
Среднее (±С.О.)		3.4		11.3

Как показывает таблица 2, в истории имперского Китая мы наблюдаем такую же закономерность, что и для западной Евразии (таблица 1). Это не означает, что данная закономерность будет соблюдаться для всех аграрных обществ всегда. Как отмечалось выше, она может быть нарушена в тех случаях, когда общество подвергается воздействию мощного экзогенного фактора. Такие случаи будут редки для крупных государств и империй, но могут быть обычным явлением для мелких государств.

Заключение

В этой статье мы показали, что существует по крайней мере одна общая эмпирическая закономерность, характеризующая динамику крупных аграрных государств – взаимосвязанные колебания плотности населения и социополитической нестабильности, в которых пики нестабильности следуют за пиками популяции. Более того, мы наблюдаем не только мощную макроисторическую закономерность, но у нас также имеется теория объясняющая эту закономерность на более глубинном уровне – на уровне управляющих принципов. Собственно говоря, поиск эмпирической закономерности был первоначально мотивирован прогнозами структурно-демографической теории.

Структурно-демографическая теория генерирует и другие прогнозы, которые могут быть подвергнуты эмпирическому тестированию. Например, наше исследование (реф) показало, что явные признаки перепроизводства элиты наблюдались перед кризисом во всех восьми исследованных циклах. С другой стороны, финансовое банкротство государства – частая, но не универсальная предпосылка кризиса. Последний результат показывает, что теория нуждается в дальнейшей доработке – ситуация вполне обычная в науке. Существует даже вероятность, что структурно-демографическая теория может быть в будущем заменена на совершенно другую теорию (аналогично переходу от ньютоновского к эйнштейновскому видению мира в физике). Если такое теоретическое обновление произойдет, это будет совсем не катастрофа, так как, по определению, новая теория будет объяснять существующие эмпирические закономерности (и предсказывать новые) еще лучше, чем старая теория.

В заключение, мой ответ на вопрос, поставленный в начале этой статьи, – без сомнения, утвердительный. При всем многообразии исторических обществ и государств, в их динамике выявляются общие закономерности. Историческая динамика – сочетание частного с общим, и в этом она не отличается от динамики физических и биологических систем.

Литература

Турчин П.В. 2007. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. Москва, УРСС.

Goldstone, J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. University of California Press, Berkeley, CA.

Lee, J. S. 1931. The periodic recurrence of intracine wars in China. *The China Journal* (1931: March-April):111-163.

Malthus, T. R. 1798. *An essay on the principle of population*. J. Johnson, London.

Sorokin, P. A. 1937. *Social and cultural dynamics*. Vol. III. *Fluctuations of social relationships, war, and revolution*. American Book Company, New York.

Stearns, P. N. 2001. The encyclopedia of world history, 6th edition. Houghton Mifflin, Boston.

Tilly, C. 1993. European revolutions: 1492-1992. Blackwell, Oxford, UK.

Turchin, P., and S. Nefedov. 2008. Secular cycles. Princeton University Press, Princeton, NJ.

Zhao, W., and S. Z. Xie. 1988. Zhongguo ren kou shi: China Population History (in Chinese). People's Publisher, Peking.

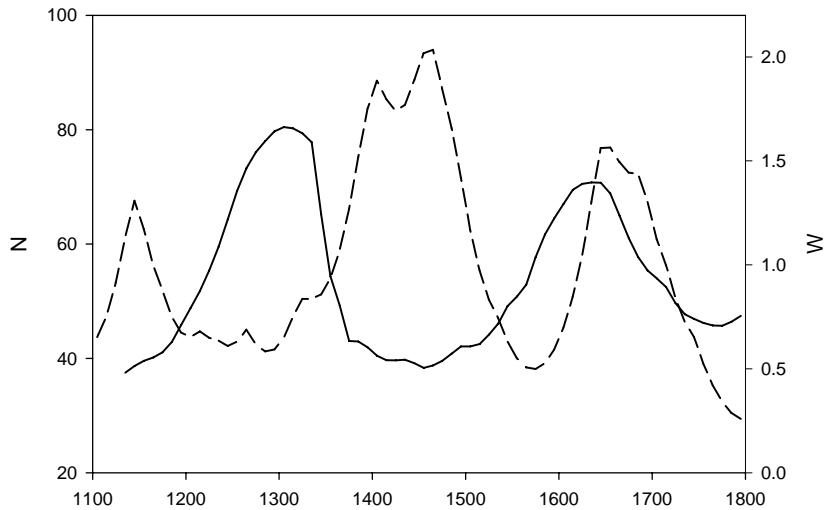

Рис. 1. Динамика плотности населения (N , сплошная кривая) и социополитической нестабильности (W , прерывистая кривая) в Англии, 1100–1800 гг.